

Д. В.
АВЕРКИЕВ

Дмитрий Васильевич Аверкиев

Русский театр в Петербурге. Павел Васильевич Васильев

«Васильевъ, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, оставилъ петербургскую сцену. На прощанье съ высокодаровитымъ артистомъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ; сказать за что мы такъ любили его, за что такъ высоко цѣнили его дарованіе.

Живо мы помнимъ тотъ вечеръ, когда видѣли его въ первый разъ: это былъ вторй или третій дебютъ его на петербургской сценѣ; играли «Жениха изъ Ножовой Линіи». Съ перваго взгляда, онъ понравился намъ своей простой, ни мало неизысканной игрой, вѣрностью задуманному типу, знаніемъ купеческой жизни. Не было замѣтно того усилія, съ которымъ играютъ лица торговаго званія петербургскіе актеры: ни подчеркиванія рѣзкихъ выраженій, ни усиленно-комическихъ жестовъ, ни напряженнаго поддѣльванія подъ купеческій языкъ...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Дмитрий Васильевич
Аверкиев
Русскій театръ въ
Петербургъ. Павелъ
Васильевичъ Васильевъ**

Васильевъ, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, оставилъ петербургскую сцену. На прощанье съ высокодаровитымъ артистомъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ; сказать за что мы такъ любили его, за что такъ высоко цѣнили его дарованіе.

Живо мы помнимъ тотъ вечеръ, когда видѣли его въ первый разъ: это былъ второй или третій дебютъ его на петербургской сценѣ; играли «Жениха изъ Ножовой Линіи». Съ перваго взгляда, онъ понравился намъ своей простой, ни мало неизысканной игрой, вѣрностью задуманному типу, знаніемъ купеческой жизни. Не было замѣтно того усилія, съ которымъ играютъ лицъ торговаго званія петербургскіе актеры: ни подчеркиванія рѣзкихъ выраженій, ни усиленно-комическихъ жестовъ, ни напряженнаго поддѣльванія подъ купеческій языкъ.

Умный актеръ, такъ рѣшили мы послѣ первыхъ актовъ. Рѣшеніе, какъ видите, не очень-то для артиста пріятное. Но начался послѣдній актъ. Вы помните, тамъ женихъ узнаеъ, что его поддѣтъ хотѣли, на деньги его

польстились, дочь изъ-за богатства продать хотѣли – и, подвыпивъ маленько для куражу, все это онъ дражайшимъ родителямъ объясняетъ. И вотъ какъ-моль этотъ умный актеръ поведетъ эту сцену? Умно? – нѣтъ, тутъ ума мало; тутъ надо, чтобъ кровь заговорила; чтобъ душа въ человѣкѣ была. И что-же? – оказалось, что Васильевъ окончательно полонилъ насъ, съ разу. Этотъ пятый актъ ясно показалъ, что *страстность* главная отличительная черта этого артиста.

Да, страстность – легко это сказать! Не въ ней-ли, не въ этомъ ли страстномъ отношеніи къ создаваемому типу и заключается тайна актерскаго искусства? Умный актеръ – актеръ-ли въ сущности, или хорошій чтець въ костюмѣ? Проникновеніе во внутренній міръ создаваемого имъ лица; – вотъ что важно. Дѣло трудное: бездну условнаго, бездну самыхъ мелкихъ условій надо побѣдить: и какъ говорить, и какъ засмѣяться, какъ сѣсть и повернуться сообразно характеру извѣстнаго лица въ извѣстномъ состояніи духа, все это изучить надо, все это въ явѣ потомъ изобразить надо; – и мало того,

при передачу всего этого надо, – и это главное, чтобы и душа слышна была, чтобы бие́ние сердца слышно было. Кажется, непреодолимая трудности и всё эти трудности требуется победить. Въ этомъ-то, повторяемъ, и тайна актерскаго дѣла. Чувствовать себя другимъ человекомъ, переселиться въ чужую кожу, да такъ чтобы другіе не замѣчали этого переселенія – вотъ задача! И при томъ въ данный моментъ сдѣлать это; теперь, а не черезъ полчаса.

Актеры, бьющіе на внѣшность, имѣютъ успѣхъ, порой увлекаютъ, – но это увлеченіе – увлеченіе минуты. На завтра оно остынетъ. Хорошо игралъ, хорошій актеръ – вотъ все, что останется у васъ въ умѣ. А того-ли вамъ хочется? По нашему, лучшей похвалы актеръ не можетъ требовать, какъ той, какой, по преданію, удостоился актеръ Бурбеджъ, другъ Шекспира; кто-то, рассказывая о его игрѣ, смѣшалъ акера съ дѣйствующимъ лицомъ; перемѣшалъ имена Бурбеджа и Ричарда III.

Плохое дѣло, когда актеръ оставляетъ одно внѣшнее впечатлѣніе, когда вы помните только его гримировку; такое-то мѣсто, ярко

выдавшееся; такую-то фразу. Когда за его игрой вы забываете объ изображаемомъ вамъ лицѣ. Это пустое, вздорнре впечатлѣніе. Не актеръ важенъ, важно изображаемое имъ лицо. Не авторъ, а его твореніе. А какъ можетъ выйти живое лицо, когда актеръ объ одной внѣшности печется? Когда онъ васъ *своей игрой* поразить хочетъ?

Актеръ долженъ создать передъ вами цѣлый міръ. Изобразить данное лицо такъ, чтобъ вы не только сказали: «этакихъ людей мнѣ встрѣчать случалось,»— но чтобы вы заинтересовались судьбой этого лица; чтобы вы заглянули въ его душу; чтобъ вамъ казалось, что это близкій вамъ человекъ, судьбой котораго вамъ и нельзя не интересоваться. Вотъ, напримѣръ, этотъ красивый купецъ, который трудился тридцать лѣтъ, который всю жизнь свою мечталъ о томъ, чтобы зажить по божьему, своимъ домкомъ, въ любви да въ радости, съ своей дорогой семеюшкой, — вы вѣдь пожалуй подчасъ посмѣетесь надъ нимъ: очень «чувствительны» ужъ его мечты вамъ покажутся. И вотъ судьба, кажется, начинается баловать его; встрѣтилъ онъ дѣвушку, хо-

роша изъ себя очень, приглянулась ему; подступиться боится – потому барышня; не намъ-де калачи ѣсть, – но барышня ничего, согласіе свое оказала. Обвѣнчались, – но нѣтъ, не объ этомъ мечталъ ты, Левъ Красновъ. Любишь ты, да тебя словно не любятъ; нѣтъ-нѣтъ да и рыло отворотятъ. А ты за нее жизнь свою готовъ положить. Ревнуешь ты ее къ прощальгѣ—барину. И дрянъ, кажись, человѣкъ, не стоило-бы, да любишь-то ты ее очень, оттого и ревнуешь къ нему. А на тебя сѣти плетутъ; тебя обмануть хотятъ. Но ты не бережешься; ты любишь, – гдѣ тутъ беречься, когда любишь? Какъ ты скоро поддался; чуть ласковое слово и ты вѣришь, да какъ! Разговорился ты съ ней, разшутился, поговорилъ-бы ты съ нею про все, душу выложилъ, да нельзя, дѣло есть. И не пошел-бы ты, да вѣдь ты думаешь: мое дѣло – ея дѣло, никакъ нельзя; о ней-же думаю, о ней печалуюсь; не для себя работаю. Пошолъ ты и весело ты таково идешь, гордо: потому жена барышня, красавица, и любить меня, такъ чтобъ всѣ это знали. А между тѣмъ за ней ужъ подсматриваютъ; кто ради правды, кто ради злобы; кому

больнымъ сердцемъ правды добиться хочется, у кого змѣи шипятъ. Ты думаешь, что умнѣй и счастливѣе тебя человекъ нѣтъ, что ты хорошо сдѣлалъ, что сестру свою съ зятемъ почти что выгналъ. Ты правъ; дѣлаешь такъ, какъ знаешь, какъ сердце твое тебѣ подсказываетъ. Самонадѣянный и гордый ты человекъ! Правду тебѣ сказалъ дѣдушка Архипъ, истинную правду. И вотъ ты веселый приходишь домой и негодуешь ты, что тебя на злобу опять подбиваютъ. Не хочется тебѣ злобы, душа твоя этого не переносить, а что дѣлать? Летятъ и каркаютъ вороны; чуютъ, что трупъ будетъ. Хочешь не хочешь, иди встрѣчай бѣду, отворяй ворота, да пошире — потому большая бѣда идетъ. Приходитъ жена, допросилъ ты ее; обманщицей и змѣей въ глаза назвалъ, да ей какъ съ гуся вода: она опять къ барину собирается, очень ужъ ловко видно баловаться-то съ нимъ. Ну, и не стерпѣлъ молодецъ; разъ не стерпѣлъ, весь вѣкъ свой терпи.

Вы пережили весь этотъ міръ, и кто же васъ заставилъ пережить его? кто заставилъ васъ бояться за себя, за кѣмъ вы слѣдили съ на-

пряжоннымъ вниманіемъ, чьей радостью радовались и чимъ горемъ горевали? Какъ весело вы смѣялись, когда Красновъ съ женой своей разговорился, «забавныя, тайныя рѣчи» говорилъ ей. Свѣтло и радостно было вамъ въ эти минуты; отдохнули вы душой, успокоились. А раньше болѣло ваше сердце, а послѣ еще сильнѣе заноситъ, когда блѣдный, ни на что не смотря, куда-то вдаль устремивъ глаза, выйдетъ Левъ Красновъ, убійца своей жены. Все, надъ чѣмъ тридцать лѣтъ работалъ онъ, все разрушилъ самъ, своей властной рукой, въ одинъ мигъ.

И вспомните еще, что актеръ, заставлявшій васъ все это переживать былъ П. В. Васильев, этотъ «комикъ безъ комизму», какъ отзывалась объ немъ еще недавно какая то газета, за то, что онъ безъ *страсти* канканъ танцевалъ.

Да, мало комизма было въ немъ; глубоко (не по газетному) понималъ онъ создаваемые имъ типы. Какъ можно глубже, какъ можно человѣчнѣе изобразить данное лицо – вотъ къ чему онъ стремился. Онъ досказывалъ автора. Въ Любимѣ Торцовѣ онъ плакать васъ

заставлялъ, и не мудрено, что, увидавъ Васильева въ этой роли, покойный Ап. Ал. Григорьевъ призналъ это лицо за героическое, русскимъ Гамлетомъ назвалъ. Да горька эта глубокая иронія надъ самимъ собою; горько это самоочищеніе; эта трудная дорога, чтобъ «человѣкомъ стать.»

И припомните, что, проникнувъ такъ глубоко въ эту затерянную, задавленную личность, Васильевъ и внѣшности не упустилъ; онъ даже эту трясучку, которая у пьющихъ запоемъ бываетъ, и ту замѣтилъ; даже то, что болѣзненно и внѣшне отвратительно въ такомъ лицѣ должно быть, все это вамъ передалъ съ ужасающей правдой, въ тоже самое время вызвавъ все, что есть чистаго въ вашемъ сердцѣ на высочайшее христіанское состраданіе, на высочайшій по правдѣ судъ, который только можетъ дѣлать человѣкъ, когда того, кого судить онъ, призналъ въ тотъ судный часъ за своего брата, за своего падшаго и несчастнаго брата, а себя... а себя, можетъ быть, въ ту минуту еще ниже его признаетъ, не смотря на то, что судьей стдитъ. Но христіанскій судъ и всегда таковъ, и этимъ

святымъ чувтсвомъ вы актеру обязаны. Въдѣ такой актеръ – это наука, это – воспитаніе, это – правда, это – польза. Чтобъ *это* замѣтить, вамъ надо было много разъ видѣть актера. Внутренній міръ слишкомъ глубоко васъ захватываль; человекъ-то вамъ дорогъ очень былъ, вы на его мелкія привычки и вниманія сначала не обращали.

Ну, какой-же это актер былъ, этотъ П. В. Васильевъ! Развѣ такіе актеры бываютъ? Они если пьянаго и озябшаго начнутъ изображать, такъ со смѣху умрешь. Такъ и видишь, что пьянъ и дрожитъ отъ холода; вотъ какъ на улицѣ иногда видишь; посмѣешься; уйдешь изъ театра, точно тебѣ кто смѣшной анекдотъ рассказалъ. А Васильевъ вездѣ человека отыскиваль; чудака; Діогенъ второй; за то надъ нимъ, какъ надъ Діогеномъ, и потѣшались литературные гаеры.

А можетъ быть не обращали на этого актера должнаго вниманія; можетъ, повторяли избитый приговоръ, что однообразенъ этотъ актеръ очень. И видѣли-то вы его можетъ два-три раза, да и то въ пустыхъ роляхъ, и самое большее, что въ ерундѣ г-на Погоскаго

«не по носу табакъ» понравился онъ вамъ, въ роль учителя Ввербохлестова. Не видѣли, пеняйте на себя. Вы сомнѣвались, можетъ-ли Васильевъ Гамлета играть? и послѣ Любима Торцова? и даже послѣ Бальзамина?

Помните, какъ вы хохотали – весь театр хохоталъ, – надъ дуракомъ Бальзаминовымъ, который весь смѣшонъ съ ногъ до головы. Этакая глупая рожа, да и халатишко какой смѣшной! И вотъ судьба этого Бальзамина начинаетъ заманивать васъ. Все вы смѣетесь, и какъ съ дѣвицей Пѣженовой въ любви онъ объясняется и какъ возгорѣлъ новой любовью, перескачивъ черезъ заборъ. Все смѣшно вамъ, но вотъ начинаетъ мечтать Бальзаминовъ; сначала смѣетесь вы, но чѣмъ дальше, тѣмъ вамъ страшнѣе за него становиться. Да, даже за себя и за свои мечтанія страшно. Кто не любитъ мечтать, особенно въ потемкахъ? хоть вы можетъ быть себя и не брюнетомъ представляете, а чѣмъ другимъ, – а все-таки, какъ начинаетъ завираться Бальзаминовъ, вамъ не до смѣху. Нѣтъ-нѣтъ, да и увидите вмѣсто веселой комедіи самую «прежалостную» трагедію. Ну, какъ онъ сойдетъ съ ума?

Смотрите, весь театр замолкъ; всѣ прислушиваются къ чему-то; раекъ, на что охотникъ посмѣялся (даже когда трагики ржутъ, и то смѣется), замолкъ. Должно быть есть что-то. И уже до конца дѣйствія остается весь театръ подъ этимъ впечатлѣніемъ. Конечно,

*Все это бѣдная природа:
Высокого не много тутъ.*

Намъ надо, чтобъ актеръ, если Отелло играетъ, то дико очесами поводитъ и еще такія штуки откалывалъ: замолчить, да помолчавши и завоетъ не то какъ шакаль, не то какъ кошка. Вотъ мы и довольны, и въ великіе трагики его именно за это произведемъ. Дескать роль какъ выдержалъ: пять минутъ молчалъ, да потомъ какъ завоетъ; страшно; даже мурашки по кожѣ пойдутъ.

И такъ, «однообразный комикъ безъ комизму» оставилъ здѣшнюю сцену. Престранный актеръ былъ. Мы не разъ слыхивали, какъ онъ говорилъ, что не можетъ въ глупыхъ пьесахъ хорошо играть, душа не лежитъ. Тутъ-бы кажется и *создать* роль. Гримироваться хорошенько; эффектно вскрикнуть два-

три раза, и дѣло съ концомъ. А онъ все челоуѣка искалъ, и если у автора не было намека даже на челоуѣка или на какое нибудь челоуѣческое чувство, либо положеніе-то ничего не выходило и у актера.

И такой актеръ хотѣлъ играть Гамлета? Это непростительно.

Вѣдь Гамлета, извѣстно, трагику надо играть. Надо бѣлокурый парикъ надѣть и подвывать слегка въ знакъ печали. Когда начинается сумашествіе, то надо строго двѣ фізіономіи держать: одну мрачную, про себя, и другую сумасшедшую, про придворныхъ. Это – двойственность натуры выражать у нясь будетъ.

Но вѣдь живой челоуѣкъ былъ этотъ принцъ датскій. Вѣдь у него была кожа, и плоть, и кровь, и нервы. Вѣдь онъ мститъ хотѣлъ, по временамъ горячую кровь готовъ былъ пить, не задумываясь убилъ *мышь*, спрятавшуюся за занавеской. Мрачный и угрюмый челоуѣкъ, мрачно и угрюмо добивающійся правды. Скучно ему, и какъ скучно еще слезы звучатъ въ его голосъ. Не весело ему сравнивать жизнь съ заглохшимъ садомъ. А какая

ужасная мѣнута – и страшно ему тѣнь видѣть, и грустно – больно, и любить-то онъ отца. Исчезла тѣнь; Гамлетъ на все рѣшился; онъ уже все обдумалъ; уже тутъ, въ разговоръ съ Гораціемъ и другими, у него въ голосъ слышатся ноты: и горькой ироніи, и мести, и той страшной бѣшеной шутливости, которая доводитъ его до кровожадныхъ инстинктовъ. Это страшная психологія, которую только Шекспиръ одинъ въ драмѣ могъ передать.

Но гдѣ проследить всю роль! Возьмемъ еще нѣсколько моментовъ! Вотъ монологъ о Гекубѣ. Тутъ нѣтъ ни криковъ, ни слезъ, но какая ужасная иронія надъ самимъ собою, какое страшное сомнѣніе. И вотъ вихремъ охватила его мысль о представленіи убійства его отца на сценѣ; слова порывисто вырываются изъ его устъ; какъ мысль быстро проносится, такъ и слова спѣшатъ. И какъ онъ встрепенулся, когда сбылось предчувствіе души. Какъ онъ захохоталъ, когда «оленья ранили стрѣлой». Тутъ кровавая шутка начинается. Грусть, безысходная грусть таится подъ всѣмъ этимъ и прорывается по временамъ на волю, напр. когда онъ говоритъ Гильденштер-

ну: «я не флейта» и т. д. А сцена съ матерью! Боже, какъ наболѣло сердце у этого человѣка. Какіе переходы въ тонѣ; эта иронія, сколько оттѣнковъ въ ней! Но вотъ явилась тѣнь отца – и слезы снова звучать въ голосѣ. За тѣмъ ласково-нѣжно говоритъ онъ съ матерью, умоляетъ ее и эти мольбы переходятъ снова въ иронію, страшнѣйшую первой, потому что она наступила тотчасъ же послѣ этихъ нѣжныхъ, ласковыхъ, любящихъ словъ, сказанныхъ матери. Нѣтъ, тутъ столько боли, столько страданія, что вамъ страшно становится за человѣка при мысли – какую бездну страданія можетъ перестрадать душа человѣческая! А потомъ, это грустное предчувствіе смерти уже не оставляющее Гамлета до самаго послѣдняго часу его жизни!

Но, скажетъ читатель, къ чему все это? Къ чему эти мечты? Кто такъ играетъ Гамлета? – Такъ *игрль-бы* Гамлета П. В. Васильевъ, если – бы остался здѣсь на сценѣ, и все вышесказанное основанно на впѣчатлѣніи отъ чтенія имъ роли Гамлета, которое мнѣ посчастливилось слышать не разъ.

Если сгруппировать все вышесказанное, то выйдетъ слѣдующая характеристика П. В. Васильева, какъ актера. Страстное проникновеніе ролью; глубокое, человѣчное пониманіе; стремленіе къ самому полному и ясному изображенію человѣка, главное – внутренней міръ; потому актеръ этотъ обращаетъ вниманіе не на одну какую-нибудь черту, не на эффектное мѣсто, а на всю роль; отсюда, если роль не удалась, то не удалась вся; актеръ не станетъ выѣзжать на какомъ-нибудь фокусѣ. Оттого что актеръ обращаетъ вящее вниманіе на внутренней міръ изображаемаго имъ лица, – гримировка его, всегда вѣрная, не бьетъ въ глаза, не поражаетъ васъ. Она играетъ такую-же роль, какъ физиономія даннаго лица въ его судьбѣ; если вы заняты судьбой, то хотя физиономія не ускользнетъ отъ вашего вниманія, но и не затмитъ главнаго дѣла. Наконецъ, желаніе играть единственно дѣльные роли, гдѣ былъ-бы просторъ для чувства и глубины пониманья, а не для внѣшнихъ эффектовъ, – рѣзко отличали П. В. Васильева отъ другихъ актеровъ петербургской труппы. Онъ заботился не о ко-

личествѣ, а о качествѣ ролей. Его игру надо было изучать; видѣть его въ одной и той-же роли два, или три раза. Тогда только открывалась глубина его пониманія. Игра его не всегда была равна; иной разъ выдавалось одно мѣсто, въ другой другое. Такъ и должно быть у страстнаго актера, у актера по страсти. Намъ помнится то-же замѣчали и въ Мочаловѣ. Упрекъ въ однообразности рѣшительно не справедливъ. Любимъ Торцовъ, Бальзаминовъ, Левъ Красновъ, стряпчі въ Мишурѣ, Расплюевъ, Женихъ изъ Ножовой линіи, Нахлѣбникъ, Милашинъ – гдѣ-же тутъ однообразіе? Напротивъ, разнообразію актера удивляться надо. А судить объ актерѣ по ролямъ, несвойственнымъ его таланту, по неудачнымъ ролямъ – не думаемъ, чтобъ было справедливо. А еще Васильевъ игралъ здѣсь не всѣ роли: онъ не игралъ напр. ни Станціоннаго Смотрителя, ни Закалдованнаго Принца, изъ которыхъ первую онъ называетъ любимой своей ролью.

Въ заключеніе, обратимъ вниманіе еще на одно достоинство Васильева: это знаніе крестьянскаго быта. Игрой своей, напр. въ «Чу-

жое добро въ прокъ нейдетъ», – онъ доказаль это. У него нѣтъ при изображеніи крестьянъ ничего уловнаго, заучонаго пейзажнаго и вытверженнаго, – чѣмъ не можетъ похвалиться ни одинъ петербургскій актеръ.

П. В. Васильевъ уѣзжаетъ въ провинцію; доброго пути!

Газеты, даже враждебно относившіяся къ его таланту, на прощанье признали за нимъ умъ и *талантъ*. Эхъ, господа, когда-жъ вы пустословить-то перестанете?